

Лаврентьев Максим Владимирович

канд. юрид. наук, доцент

ЧУОО ВО «Саратовский медицинский

университет РЕАВИЗ»

г. Саратов, Саратовская область

**ОРГАНИЗАЦИЯ ПО ГРУППАМ В БЕЛЬГИЙСКИХ
ИСПРАВИТЕЛЬНО-ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ
ДЛЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В. – НАЧАЛЕ XX В.**

Аннотация: статья посвящена бельгийским исправительно-воспитательным заведениям, организации воспитанников по группам и отделениям. Рассказывается о группах, их составе, управлении, воспитании, обучении и исправлении юных правонарушителей в режиме групп воспитанников.

Ключевые слова: Бельгия, XIX век, XX век, несовершеннолетние правонарушители, исправительно-воспитательные заведения, исправительная колония, пенитенциарная педагогика, организация по группам.

В 30–40-е гг. XIX в. в Западной Европе в ряде стран стали создаваться специализированные исправительно-воспитательные заведения для несовершеннолетних правонарушителей – ремесленные приюты (в основном в городах) и земледельческие колонии (в сельской местности). Некоторые заведения сочетали в себе оба признака. Для особо опасных правонарушителей и рецидивистов создавались колонии пенитенциарного (тюремного) типа, где практиковалось для несовершеннолетних правонарушителей одиночное («келейное») заключение.

В Швейцарии была создана земледельческая колония для несовершеннолетних правонарушителей «Бехтелен» (в 1840 г.), во Франции – «Меттрэ» (в 1839 г.), в Германии в 1833 г. – «Раугхаус». В Бельгии чуть позже подошли к созданию специализированных учреждений и первые земледельческие колонии, как например «Рюисселед», появились здесь с 1849 года.

Попытки организовать «семейные группы» по образцу «Меттрэ», «Бехтелена», «Раугхауса» в Бельгии не дали результатов. Здесь внутренняя организация воспитанников имела другие черты. В первую очередь необходимо пояснить, что в Бельгии было два типа земледельческих колоний: общего режима и пенитенциарного.

К пенитенциарным колониям относились земледельческие колонии «Сент-Губерт» и «Намюр». «Питомцы Сент-Губерта и Намюра носят наименование заключенные» [1, с. 66]. При поступлении будущие колонисты делились на несколько классов: «1) Дети с плохим прошлым, дурным поведением и особенно рецидивисты; 2) Дети, классификация которых может быть произведена лишь после временного испытания; 3) Дети с хорошим прошлым, хорошего поведения, вследствие чего притязание на предпочтение перед остальными считается основательным» [1, с. 67].

В «Намюре» – земледельческой колонии, которая находилась в стенах бывшего монастыря, «самый большой флигель, в 95 метров длиною, четырехэтажный, включает в себе 300 каменных келий. В этом флигеле имеется большой зал, употребляемый для занятий разными ремеслами; он назначен исключительно для тех мальчиков, которые освобождены от наказаний по недостатку разумения. Подобное же устройство имеют и другие флигеля, которые служат для приема осужденных мальчиков и девочек обеих категорий. Устроены отдельные залы для обучения и обедов, два двора, из коих один назначен для мальчиков, другой – для девочек; дворы эти служат удобным местом для работы на открытом воздухе. Третий, еще значительно больший двор, служит для мальчиков местом телесных упражнений и игр. При установлении дневного порядка обращено внимание на то, чтобы в течение дня несколько раз чередовались часы таких упражнений, маршировки и иных игр с часами школьного обучения и работы» [1, с. 67].

В другого вида исправительно-воспитательных заведения, таких как «Рюисселед» и «Винген», колонисты вступали с 7-летнего возраста. «Вместо семейства здесь они встречают товарищества или, вернее, – и в этом лежит характерная

особенность бельгийских государственных заведений – капральство, так как господствующий во всем военный казарменный порядок и есть именно то, благодаря чему реформатские школы в Рюисселеде и Вингене получают своеобразный отпечаток и отличаются от подобных же, под духовным управлением состоящих бельгийских частных заведений или немецких исправительных школ. Строгий военный режим, точность и аккуратность солдатского полка проникают всю жизнь питомцев в заведениях, жизнь тех самых мальчиков, которые до этого знали только беспорядочное праздничное шатание нищего, и должен признать, говорит Старке (известный бельгийский исследователь – М.Л.), как быстро эта именно форма строжайшего дисциплинирования действует на питомцев» [1, с. 76].

Воспитанники были разделены «не на «семейные группы», как в Меттрэ или в Суровом доме («Раугхаусе». – М.Л.), а на «дивизии» и «секции» под начальством шефов и сушефов. Сигнальный рожок поддерживает командование с утра до самой ночи; в военном порядке дети маршируют в школу, на работу, к обеду и т. п. Каждая дивизия в 60 питомцев определенного возраста находится под руководством одного из надзирателей и имеет своего трубача. Дивизия распадается на две секции, во главе которых стоят шеф или сушеф секции; последние, легко узнаваемые по значку на рукаве, избираются из числа тех питомцев, которые по способностям своим и по хорошему поведению к этому пригодны. Они всегда назначаются на это место только на 3 месяца, но могут и вновь быть избраны. В особых случаях директор может даже самой секции, которая вполне и в составе всех своих членов отличается хорошим поведением, предоставить право выбора шефа и сушефа, как акт доверия к своим соученикам. Каждый, следовательно, надзиратель, стоящий во главе дивизии в 60 мальчиков, имеет 4 взятых из числа самих питомцев подчиненных помощников, служебные обязанности которых строго определены в уставе заведения. Доверие, которое оказывается некогда необузданно шатавшемуся молодому нищему и бродяге, наряду с привычкой к сознательному исполнению обязанностей служит одним из важнейших педагогических факторов. Хотя вся жизнь в заведениях строго военная, все-таки

питомцы видят, что к ним относятся с доброжелательством; этим порождается чувство дружбы между отдельными питомцами, чувство единства в товариществе «секции», «дивизии», наконец, всего заведения, и таким образом удалось путем военного режима, дать заведениям то основание, на котором развивается хороший дух, господствующий здесь и столько существенно способствующий достижению желанных целей» [1, с. 78–79].

Но все же не все бельгийские пенитенциаристы были сторонниками казарменной системы для содержания несовершеннолетних правонарушителей. В начале XX в. Генрих Дом, бельгийский генеральный директор заведений для несовершеннолетних правонарушителей, с которым встречался и беседовал российский исследователь К.И. Ануфриев, говорил о том, что «построив такие учреждения, Бельгия сделала ошибку от которой не знает, как теперь избавиться. Если бы нам пришлось строить воспитательно-исправительные заведения вновь, мы бы строили не иначе, как по павильонной системе (семейной. – М.Л.)» [2, с. 65].

Поэтому в начале XX века в Бельгии появилась идея о том, чтобы устранить ошибку с помещением в заведения казарменно-пенитенциарного типа всех без исключения малолетних правонарушителей. «Для этого, по мнению мистера Дома, наиболее целесообразным представлялось бы помещение детей в частные воспитательно-исправительные заведения, оставляя для существующих государственных заведений наиболее скверных субъектов» [2, с. 65].

Показательно, что в колонии «Рюисселед», где находились малолетние арестанты в возрасте от 4-х до 21-го года, все воспитанники были разбиты на три больших группы. «Первая, которую составляют дети от 4-х до 10-и лет, в момент моего посещения заключала 104 воспитанника, хотя для них и отведено в учреждении 150 мест. Здание для этой группы совершенно обособлено от остальных построек приюта и вынесено далеко, пожалуй на целый километр, за его ограду. Здесь все свое – и церковь, и школа, и хозяйство. Находясь в этой группе, дети никогда не видят старших своих товарищей. Вторую группу составляют под-

ростки от 10 до 13 лет. Отделение для них рассчитано также на 150 мест, из которых все заняты. Дети этой группы проходят только школьный курс, без занятия ремеслами. Отделение приюта для старших питомцев в возрасте от 13-и и до 21-го года по своим размерам могло бы вместить 500 человек, но я застал в нем только 350 воспитанников. Эта группа занимается исключительно профессиональными и земледельческими работами» [2, с. 68].

Вторая и третья группы расположены от главных зданий приюта в непосредственной близости одна от другой. «Для каждой из них отведены особые дортуары, классы, рекреационные помещения, и каждая из них имеет свой обширный двор. В свою очередь каждая такая группа разделена на семьи по 70–80 человек, которые не должны сообщаться между собою даже и во время рекреации, когда дети играют на общем дворе. За тем, чтобы питомцы одной семьи не переходили в другую, должны наблюдать надзиратели, всегда находясь при них. Соединяются в одну массу воспитанники только на то время, когда идут в столовую; однако, по мнению директора, такие кратковременные общения не только вредны, но признаются даже желательными. В ближайшем времени, когда будет закончено происходящее теперь переустройство учреждения, вследствие чего представляется возможность изолировать одну семью от другой, он все же полагает, что раз в неделю детям отдельных групп нужно будет позволять встречаться всем вместе. Питомцы отдельных групп спят в общих дортуарах, в которых в течение всей ночи находятся дежурные надзиратели» [2, с. 68–69].

В присутствии К.И. Ануфриева воспитанники «Рюисселеда» продемонстрировали, как происходило построение на обед. В 12 часов дня арестанты обеих старших групп под звуки сигнальных рожков, стали собираться к обеду. Они шли отдельными отделениями или семьями, в сопровождении надзирателей, по флангам их сопровождали воспитанники со специальными нашивками (званиями). «Воспитанники были в синих блузах, черных штанах, в черных круглых шапочках и в сабо. Шли попарно, в ногу, без всяких разговоров, и строились в 2 ряда длинным фронтом, занявшим двор во всю его длину» [2, с. 70].

Вот построение закончено, и надзиратели, в форме, обходили строй, осматривая – в порядке ли одежда на каждом питомце. Затем, «по окончании осмотра все питомцы по команде как один человек, сделали поворот и под звуки рожка, в ногу, пошли в столовую. Когда я (Ануфриев К.И. – М.Л.) пришел в помещение столовой, воспитанники уже разместились там, стоя в полнейшей тишине против своих приборов. По сигналу, сыгранному на рожке, была прочтена молитва, и все молча сели на свои места. Порядок при этом соблюдался образцовый» [2, с. 70].

На российского исследователя произвело большое впечатление от этой дисциплинированной массы питомцев. Когда 500 воспитанников колонии строились в строй и разом садились в столовой за столы, то это было похоже на огромный воспитательный механизм. «Однако, по словам директора, достичь среди такого числа дисциплины и вообще управлять таким большим воспитательно-исправительным заведением чрезвычайно трудно – слишком напряженного внимания требует эта масса от администрации» [2, с. 70].

В другой бельгийской земледельческой колонии – «Молл» – малолетние арестанты были разбиты на 2 группы: в первой находились питомцы до 15-летнего возраста, вторую же группу составляли подростки от 16-ти до 21-го года. «Эти группы разобщены между собою, имея различные дворы; встречаются они только в общей столовой. По достижении подростками предельного возраста, директор считает необходимым переводить их из младшей группы в старшую или даже в совершенно в другое учреждение» [2, с. 73].

Организация по группам в бельгийских исправительно-исправительных заведениях способствовала главной цели – исправлению малолетних правонарушителей и возвращению их в общество законопослушными гражданами.

Список литературы

1. Альбицкий Е. Исправительно-воспитательные заведения для несовершеннолетних преступников и детей заброшенных в связи с законодательством о принудительном воспитании / Е. Альбицкий, А. Ширген. – Саратов: Типография Губернского земства, 1893.

2. Ануфриев К.И. Воспитательно-исправительные заведения и учреждения трудовой помощи и принудительного труда в Западной Европе (Германия, Бельгия, Англия, Франция и Швейцария) / К.И. Ануфриев. – Петроград: Городская типография, 1915.